

ПРОЕКТ РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА

Актуализация идейного наследия русского космизма в современном мире связана с осознанием тупикового характера развития техногенной цивилизации и «общества потребления». Русский космизм является, пожалуй, единственным направлением в отечественной философии, в котором ставится задача радикального пересмотра традиционного понимания оснований человеческого существования и формулируется глобальный по своему масштабу проект – *бессмертие*.

Трактовка идеи бессмертия у Н. Ф. Фёдорова, В.Н. Муравьёва и других представителей русского космизма связана с радикальным пересмотром понятия *природы*. В современной философской литературе это понятие, как правило, берётся в некоем усреднённом значении. Под «природой» понимают: 1) «естественную среду обитания человека» (в противоположность культуре как искусственно созданному миру), 2) «совокупность всего сущего», 3) «противостоящий человеку (субъекту) объективно существующий, развивающийся по своим законам и независимый от него мир» [1, С. 346]. В то же время термин «природа» часто используется в значении «сущность чего-либо» (так говорят, например, о «природе человека», «природе искусства» и т.д.).

В русском языке слово «природа» является однокоренным со словами «род» и «рождение». Природное – это *рождённое, рождающееся* и, соответственно, смертное, умирающее. Правда, это относится лишь к «органической», «живой» природе. О камнях мы не говорим, что они рождаются и умирают. Впрочем, данное уточнение не имеет существенного значения, поскольку речь идёт о проблеме бессмертия *человеческого существа*. Человек же в определённом смысле также является частью органической природы.

Базовая интуиция русского космизма – идея *единства природы*. Представители этого философского направления не делают принципиальных различий между «внутренней» и «внешней» природой, между природой *вне человека* и природой *в самом человеке*. Смерть мыслится в русском космизме как результат работы слепых природных сил. Поэтому «познать и покорить природу – это значит достигнуть бессмертия» [2, С. 364].

Проект бессмертия в русском космизме опирается на религиозную идею *спасения*. Спасение же мыслится как *активно достигаемое* в самом человеческом бытии, а не *даруемое* трансцендентным Богом [3; 4]. Что нуждается в спасении и спасается?

Ортодоксальный христианский ответ на этот вопрос звучит так: *бессмертная душа человека*. Такая позиция неоднократно уличалась космистами в «религиозном эгоизме». Валериан Муравьев писал по этому поводу: «Теперь нужно спасать не свою душу только, но весь этот погибающий и утопающий в грязи и повседневности мир» [5, С. 290]. В этом стремлении спасти не только человеческую душу, но и *всю природу* заключается наиболее характерная черта русского космизма.

Спасение *природы* означает не что иное, как её *преображение, обожение*. Обожение в данном случае – термин не столько *религиозный*, сколько *онтологический*. «Вся природа, – пишет Муравьев, – стремится воскреснуть и слиться с Богом, обожиться, стать Богом. В человеке она создала себе для этого усовершенствованное орудие» [5, С. 301]. Человек в космизме рассматривается как *антиэнтропийная* сила, как орудие *преобразования природы*. Исходя из онтологической модели русского космизма, можно с равным основанием сказать, что преобразование природы есть её *обожение* и её *очеловечивание*. Содержание этих понятий в данном случае одно.

Ещё более отчётливо мотив обожения и очеловечивания природы прослеживается в философии Николая Фёдоровича Фёдорова. «Настоящая жизнь, что называется земная жизнь <...> ограничиваемая кратким временем и тесным пространством (если человек свободен, то свободен, как птица в клетке), по мере того как условия, в которые поставлен человек, будут обращаться в орудия его воли, т.е. по мере исполнения долга, заключающегося в управлении слепыми силами природы, настоящая земная жизнь будет расширяться до границ самой природы, ибо сама природа, сознавая в нас свою несвободу, чрез нас же обращается в мир свободных, бессмертных личностей» [6, С. 168]. Под «настоящей земной жизнью» Фёдоров понимает не что иное, как *человеческую* жизнь. Замысел Фёдорова заключается в том, чтобы границы и возможности *человеческого* существования расширились до границ самой *природы*. Это и будет означать *очеловечивание*, преобразование природы.

Для понятийной фиксации идеи преобразования, очеловечивания природы Фёдоров использует термин «регуляция». Регуляция – это управление естественными (стихийными, спонтанными, природными) процессами. Регуляция природы – это *путь*, на котором достигается бессмертие.

Бессмертие в связи с проектом «регуляции природы» следует определить как способность управлять разрушительными силами как в самом человеке, так и вне его: «Если бы человек управлял силами, которые делят и разрушают, он был бы бессмертен» [6, С. 509-510].

Фёдоров подчёркивает неразрывную связь рождения со смертью: *рождённое* для него тождественно *смертному*. Природа как *сущее* есть рождённое и смертное, рождающееся и умирающее. Круговороту рождений и смертей Фёдоров противопоставляет регуляцию природы и восстановление (воскрешение) умерших: «Вещь (природа) будет для нас явлением, исчезаемым, пока она будет рождаться, происходить помимо нашего сознания и воли. До тех пор мы не будем знать ни себя, ни внешнего мира, до тех пор невозможно и взаимознание, пока материя, не проникнутая светом, действием, будет стоять между нами как сила разъединяющая и нас самих превращающая в явления. Одно восстановление исчезнувшего, обращение его в сознающее и действующее есть доказательство, полное знание и прочное, бессмертное существование» [7, С. 113].

В текстах Фёдорова часто встречается мысль о том, что «природа», «природное бытие» (в устоявшемся, усреднённом значении этого слова) вовсе не есть нечто *естественное*. Скорее, наоборот, порядок, при котором оборотной стороной жизни является смерть, а оборотной стороной рождения – умирание, есть нечто *противоестественное*. Такой порядок представляет собой *извращение* исходного и подлинного порядка бытия.

Говоря о природе как о совокупности всего спонтанно рождающегося и умирающего, Фёдоров замечает, что «человек берет дань с этого царства, без коего и жить, понятно, не может, но не владеет им; человек только грабит некоторые области этого царства, а с другими борется как с равными, вместо того чтобы вносить в это царство свет сознания» [7, С. 302]. В этом фрагменте чётко представлена суть фёдоровского проекта «регуляции природы». Человек техногенной цивилизации берёт дань с природы и грабит её вместо того, чтобы владеть ею, просветлять и просвещать её.

Человек техногенной цивилизации, новоевропейский субъект, исходит из того, что всё существующее предназначено для удовлетворения его всё возрастающих потребностей. Тупиковость такой установки в настоящее время очевидна. Но и противоположная позиция, представленная так называемым «экологическим мышлением» и предполагающая минимизацию человеческого вмешательства в «естественные» процессы природы, также нереализуема. На этом фоне проект «регуляции природы» выглядит интересным и продуктивным, поскольку преодолевает крайности «технизма» и «экологизма». С одной стороны, природа здесь рассматривается как объект и поле приложения человеческих сил (соответственно, техники), как предмет *регуляции, управления, упорядочивания, преобразования, трансформации*. Речь идёт не только о природе, которая *вне человека* («окружающая природная среда»), но также и о природе, которая *в самом человеке*

(организм человека, его биологический субстрат). С другой стороны, Фёдоров исходит из принципиального единства человека и природы. Природа не противостоит человеку как *внешний* по отношению к нему объект, но человек и не является просто частью, фрагментом природы. Человек есть *разум* и *самосознание* природного бытия, а его предназначение заключается в обожении и очеловечивании природы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

Библиографический список

1. Новая философская энциклопедия. Т. 3 [Текст] / под редакцией В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001. – 692 с.
2. Чуев, С.И. Человек и природа [Текст] / С.И. Чуев // Н.Ф. Федоров: pro et contra. Кн. вторая. – СПб.: РХГА, 2008. – С. 361-364.
3. Дёмин, И. В. Бессмертие как проект: смерть и бессмертие человека в контексте гуманистического и трансгуманистического типов мировоззрения [Текст] / И.В. Дёмин // Онтология проектирования. – 2013. – № 4 (10). – С. 7-17.
4. Дёмин, И.В., Нестеров, А.Ю. Идея бессмертия и проект «регуляции природы» в русском космизме и в трансгуманизме [Текст] / И.В. Дёмин, А.Ю. Нестеров // Аспирантский вестник Поволжья. – 2014. – № 3-4. – С. 29-32.
5. Муравьев, В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения [Текст] / В.Н. Муравьев. – М.: РОССПЭН, 1998. – 320 с.
6. Федоров, Н.Ф. Сочинения [Текст] / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
7. Фёдоров, Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Т. I [Текст] / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Прогресс, 1995. – 518 с.